

ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД

В небольшой зал, где собралась экзаменационная комиссия Ленинградского Академического театра драмы имени Пушкина, вошел несколько нескладный двадцатитрехлетний юноша, с большими, немного огрубевшими руками, с простой, открытой улыбкой на умном лице. Он пришел сдавать экзамен на актерское отделение.

Пришел он, правду говоря, сюда несколько случайно. Еще два — три месяца тому назад он не думал об этом. Работая слесарем и готовясь к экзаменам в технический вуз, он с удовольствием и, надо сказать, с успехом выступал в различных самодеятельных концертах — читал юмористические рассказы, читал Пушкина, Лермонтова. Старшие товарищи по работе, а также актеры, которые иногда присутствовали на этих концертах, устремили в молодом рабочем крупинцы настоящего таланта и посоветовали ему учиться.

И вот юноша зачисляется в список студентов Ленинградского Центрального театрального училища. Так в 1935 году началась творческая жизнь, полная исследований, Василия Ивановича Калиниченко.

... Зрительный зал бурно аплодирует. Аплодирует советскому моряку-черноморцу Андрею Макарову, который перед лицом смерти мужественно и уверенно разоблачает новых поджигателей войны.

«Теперь я понимаю, почему Гитлер проиграл кампанию на Востоке!», — испуганно восклицает начальник американской контрразведки майор Петерсон.

«Вы ее тоже проиграете», — спокойно и твердо заявляет ему Макаров-Калиниченко. И по тому, сколько уверенности, сколько гордости за свою великую Родину вложил актер в слова своего героя, — веришь, что будет обязательно так, будет со всеми, кто попытается посягнуть на независимость нашей страны! Вот Макаров-Калиниченко, насильно удерживаемый в американском концлагере в Западной Германии, мечтает о возвращении домой. Сколько трютов в его словах, сколько тоски по Родине, он словно большая

вольная птица, заключенная в клетку. «Широка страна моя родная», — тихо поет Макаров-Калиниченко, и перед зрителем стоит картина нашей Родины, он вместе с Макаровым негодует и борется со

всеми, кто несет миру новые войны, новые страдания. Своим гражданским чувством актер поднимает образ Макарова до большого обобщения образа советского человека, а умение заставить зрителя как бы жить неразрывно с героем, которого он играет, говорит о большом мастерстве актера. Умение духовно слиться со зрительным залом, взволновать его присущее актеру В. И. Калиниченко.

Василий Иванович Калиниченко — воспитанник советской театральной школы. С первых дней учебы в Центральном театральному училище (ныне Ленинградский театральный институт) будущий актер вплотную соприкасается с одним из ведущих театров страны, с его мастерами. Участие в массовых сценах в спектаклях Академического театра имени Пушкина, учеба у таких мастеров сцены, как за-

служенный деятель искусств Е. И. Тимме, народный артист республики Б. М. Сухомеж, раскрыли перед Калиниченко «тайнства» актерского мастерства, научили работе над собой, над образом.

«Учеба как бы постепенно раскрывала передо мной все новые и новые горизонты», — вспоминает Василий Иванович. Громадная тяга к знаниям и дарование, которое самой природой было заложено в душу начинающего актера, помогли ему успешно закончить театральное училище.

Свой первый профессиональный шаг Василий Иванович сделал на сцене прославленного столичного театра Красной Армии. А с 1940 года Василий Иванович начинает работать в периферийных театрах.

Началась Великая Отечественная война. Тяжелая болезнь легких не дала возможности Калиниченко вступить в ряды действующей армии. Но Василий Иванович принимает деятельное участие в концертных фронтовых бригадах, выступает в госпиталях. И горячее чтение стихов Маяковского, Симонова, памфлетов Эренбурга находит живой отклик в сердцах слушателей, воодушевляет бойцов.

Выступая в концертах, Калиниченко не перестает думать о театре, о большой творческой работе над образами наших современников. Небезынтересна одна существенная деталь творческой жизни актера в этот период. Актер не может не быть наблюдательным, он должен постоянно всматриваться в жизнь. Искусство социалистического реализма обязывает к этому. И Калиниченко жадно присматривался к характерам наших людей, которые наиболее полно раскрылись в дни тяжелых испытаний. Он словно делал эскизные наброски к своей будущей большой работе.

И когда в 1942 году в Ашхабадском театре русской драмы ему пришлось играть в пьесе Корнейчука «Фронт» роль старшины Останенко, он обобщил свои впечатления и создал живой, запоминающийся образ старшины-украинца, душевного

и требовательного командира. Эта работа принесла В. И. Калиниченко первую творческую победу — он был награжден грамотой Президиума Верховного Совета Туркменской республики.

Создание в Ашхабаде целой галереи образов — Марка Волохова («Обрыв» Гончарова), пылкого Дон-Хуана («Дама-невидамка» Лопе де Вега), полковника Ермолова («Жди меня» Симонова), успешная работа в Саратовском драматическом театре, где актер решил сложную творческую задачу, интересно сделав образ Молчалина из «Горе от ума» Грибоедова, этого приживалы без мыслей собственных и без суждений, — помогли Калиниченко приобрести сценический опыт и, главное, найти свой творческий метод. Ему все больше удается глубоко проникновение в сущность образа, умение раскрыть психологию действующего лица, в которое ему необходимо перевоплотиться.

В. И. Калиниченко вошел в труппу Тамбовского театра в 1950 году уже вполне зрелым, сформировавшимся актером. Он приехал в Тамбов из Смоленска, где в течение нескольких лет занимал в театре ведущее положение, где им были созданы интересные работы. Но именно в Тамбове наиболее полно раскрылось его дарование.

Зритель надолго запомнил Василькова в «Бешеных деньгах» Островского. Васильков-Калиниченко — молодая поросль надвигающегося капитализма. Он сам себе обязан всем тем, чего он достиг, он еще не до конца развращен блеском золотого «мешка», ему дороги истинные чувства. Но постепенно актер шаг за шагом развенчивает своего героя, и когда в последней сцене Васильков просто предлагает Лидии Чебоксаровой пойти к нему на содержание, то есть покупает ее чувство, мы видим перед собой весьма циничного человека, для которого деньги дороже всего.

Нет возможности останавливаться на всех работах актера Калиниченко в Тамбовском театре. Скажем прямо, — были здесь и большие удачи, были и срывы. Чувство сценической правды еще нет-нет да и изменит актеру. Но наибольшего успеха добился Калиниченко, исполняя

роль Павла — колхозного бригадира в комедии «В Лебяжьем» Девятова.

В комбинезоне, в мятой кепке, в тяжелых кожаных сапогах, несколько замкнутый, Павел-Калиниченко, кажется, только сейчас приехал с поля; вот он вытирает паклей руки, и невольно веришь, что он устал после трудового дня. Актер не старается внешне подкрасить своего героя. Все помыслы актера устремлены на раскрытие внутренней красоты этого человека — труженика колхозных полей. Это актеру удается вполне. Мы видим перед собой душевного человека, скромного труженика и в то же время волевого комсомольца, для которого честь колхоза дороже родного отца.

Актер подобен скульптору. Он лепит образ, шаг за шагом очерчивает его контуры, добиваясь внешней выразительности. Но образ никогда не будет жить, если художник не вложит в него содержание, не наполнит его внутренней жизнью, большими чувствами и мыслями. В Павле Калиниченко достигает этого в совершенстве. Этому свидетельство — высокая награда, которой удостоен актер за исполнение этой роли, — Сталинская премия.

Творческие силы Василия Ивановича сейчас в самом расцвете. Два года его работы в Тамбовском театре помогли выявить актеру и те стороны своего творчества, которые он не очень замечал. Смело ломая условные рамки амплуа, актер решал сложные творческие задачи полного перевоплощения. И вправду, что общего между бригадиром лебяжинского колхоза Павлом и пылким испанским любовником Фернандо в испанской комедии «Живой портрет», между педантичным, сухим Виктором Карениным из драмы Л. Н. Толстого «Живой труп» и горячим, страстным черноморцем Андреем Макаровым! Для каждого этого образа Калиниченко нашел индивидуальные, присущие образу черты, глубоко раскрыл характер действующего лица.

Значительной вехой в творчестве актера является его последняя работа — образ доктора Астрова в пьесе Чехова «Дядя Ваня».

Астров — Калиниченко — энергичная,

неутомимая и независимая натура. Обывательские будни засосали этого талантливого представителя интеллигенции 80-х годов прошлого столетия. Но в нем живет глубокая вера в то, что «те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, те быть может найдут средства как быть счастливыми, а мы...».

Астров-Калиниченко не нытик, не равнодушный созерцатель жизни. Он всем своим существом протестует против той пошлости, которая убивает в людях их светлые мечты, чистые идеалы. Актер сумел проникнуть в глубь образа, сумел через иногда малозначимые фразы текста роли выявить истинные мысли и чувства своего героя.

Уезжает любимая женщина. Астров остается один. Снова та же скучная провинциальная жизнь. Надо ехать к больному за тридцать верст. Астров на минуту останавливается у географической карты, висящей на стене, и неожиданно произносит: «А должно быть в этой самой Африке теперь жарница — страшное дело». Астров-Калиниченко произносит эту фразу так, что мы понимаем, что он сейчас, пусть мысленно, но вырвался из сферы действительности, перенесся в другой мир — мир будущего.

Правда, к сожалению, в этой значительной и большой работе актера есть отдельные промахи. Иногда актер несколько увлекается декламацией. Однако, несмотря на этот недостаток, образ доктора Астрова в исполнении Калиниченко одно из достоинств спектакля «Дядя Ваня» в Тамбовском театре.

Василий Иванович полон новых больших замыслов. Надо еще больше совершенствовать свое мастерство, глубже изучить систему Станиславского, метод физических действий. А потом, конечно, — новые образы, новые герои...

— Что бы я хотел сыграть? — он на минуту задумывается. — Много! А больше всего хочется раскрыть перед зрителем образ нашего современника, молодого рабочего, инженера, ученого — человека, который строит светлое будущее — коммунизм!

М. НАГЛИ.